

ПОЛИСЕМИЯ И КОНТЕКСТ (НА МАТЕРИАЛЕ АЛТАЙСКИХ ГЛАГОЛОВ)

POLYSEMY AND CONTEXT (BY THE MATERIAL OF ALTAI VERBS)

B. Sanalova

Summary. The meanings of polysemantic word show the relationship between one and the same lexeme as a unit of the expression's plan, but each meaning should be recognized with the help of the expression's plan. Therefore, in detection of the meanings of polysemantic word, attention is devoted to its lexical surroundings, combinability with other words.

Keywords: verb, lexical meaning, lexical-semantic variant, compatibility, subject, object.

Саналова Байару Борисовна
К.филол.н., с.н.с., НИИ алтаистики
им. С. С. Суразакова, (Горно-Алтайск)
sbayaru@mail.ru

Аннотация. Значения многозначного слова соотносятся с одной и той же лексемой как единицей плана выражения, но каждое отдельное значение должно распознаваться с помощью средств плана выражения. Поэтому при выявлении значений многозначного слова внимание уделяется его лексическому окружению, его сочетаемости с другими словами.

Ключевые слова: глагол, лексическое значение, лексико-семантический вариант, сочетаемость, субъект, объект.

Полисемия или многозначность — одна из важнейших проявлений системности в лексике — характерна для подавляющего большинства слов любого языка. Согласно общепринятому определению, полисемия или многозначность — это наличие у одного и того же слова двух или более лексико-семантических вариантов, связанных между собой наличием одинаковых смысловых компонентов.

Понятие полисемии неразрывно связано с понятием контекста. Неразрывность полисемии и контекста находим в объяснениях ученых. Согласно С.Д. Кацнельсону, «по отношению к полисемии контекст играет двоякую роль — как средство отбора нужного значения и как средство актуализации отобранного значения» [4, с. 53]. По мнению С.Г. Бережана, «для правильного описания значения глаголов в толковых словарях необходимо учитывать их грамматическую природу, выявляющуюся только в контексте» [2, с. 56]. Согласно Ю.Д. Апресяну, значения многозначных глаголов выводятся из значения их синтаксического окружения [1, с. 51]. О.Ю. Кошеникова пишет, что «значение глагольной лексемы раскрывается в моделях субъектно-объектных отношений, по которым выявляются смысловые связи глагола с теми предметами, действие которых они обозначают» [5, с. 29].

Действительно, полисемантические или многозначные слова способны варьировать свое значение в зависимо-

сти от тех функций, которые они выполняют в предложении, в соответствии с окружающим их контекстом. Каждый ЛСВ, его отдельное значение, представляет собой такую единицу лексической системы, которая реализуется на уровне синтагматического функционирования слова.

Многозначное слово представляет собой как бы пучок нескольких семантических вариантов, значений, соотнесенных с одной лексемой. Эти варианты или отдельные значения образуют внутрисловную семантическую парадигму слова, они семантически связаны друг с другом и реализуются в различных типовых контекстах.

Без участия контекста разные значения глагола не могут быть выражены, поэтому следует признать, что формой выражения этих значений является не только одна глагольная лексема, но и определенные элементы контекста, в частности грамматические и лексические показатели.

В данной статье мы попытаемся на примере алтайских многозначных глаголов показать участие контекста в формировании новых лексических значений глаголов; проанализировать функционирование этих глаголов во фразах различной семантики и определить условия реализации того или иного значения. Мы не будем охватывать семантическую структуру этих многозначных глаголов полностью; в сферу нашего рассмотрения бу-

дут входить лишь некоторые значения этих многозначных глаголов.

При изучении значений многозначного слова внимание уделяется его лексическому окружению, его сочетаемости с другими словами. Между значением слова и его сочетаемостью существует двусторонняя зависимость: семантика слова обуславливает его сочетаемостные потенции, а сочетаемость является формальным средством выражения и распознавания значения.

Полисемантический глагол **САНАН-** реализует значение 'мечтать' в устойчивом типовом контексте, представленном морфологическим показателем причастия **=ган** + лексическим маркером, словом **кижи** 'человек' + синтаксическим показателем **деп**, служащим в качестве связки в предложении. Например: *Бого журт төзөгөн кижиде деп сананатам* (АЕ, СК, 43) «Я мечтал о том, чтобы построить здесь село». Это же значение глагола **санан-** «думать» реализуется и в контексте представленном, морфологическим маркером, показателем условного наклонения **=са**, и синтаксическим показателем **деп**: *Мындый койлор бисте болгон болзо деп сананадым* (ЭП, БЭ, 85) «Я мечтаю о том, чтобы были у нас такие овцы».

ЛСВ «иметь намерение, собираться, решить что-л. делать» глагола **санан-** «думать» реализуется в конструкции **=ар** (пок. буд. вр.) + **деп**. Наличие зависимого компонента (**=ар** + **деп**) раскрывает содержание намерения, так как ситуация намерения предполагает действие. Семантика данного ЛСВ имеет модальный оттенок возможности, желательности действия, выраженного конструкцией **=ар** + **деп**. Ситуация мышления имеет своим следствием действие, практическую реализацию мыслей. На стадии же размышления, раздумья предполагается элемент желательности, некоторой ирреальности, что и обуславливает наличие модальности, сопутствующей рассматриваемому значению: *Алан быжыл ла жолды жазап алар деп сананды* (ЭП, БЭ, 39) «Алан решил в этом году обязательно отремонтировать дорогу»; *Ол озо ло жаан от салар деп сананды* (СМ, АК, 76) «Он решил в первую очередь разжечь большой костер».

ЛСВ с модальным оттенком желания 'иметь желание что-л. делать' глагол **санан-** «думать» формирует в сочетании с инфинитивом и в конструкциях с показателями желательного наклонения **=айын** / **=ейин** + **деп**. Например: *Бу жангы жылдын түнин мен нөкөрлөрүмле кожо уткыырга санангам, же база ла неме болбоды* (ЛК, ЛП, 169) «Эту новогоднюю ночь я хотел встретить с друзьями, но снова ничего не вышло»; *Городтын котледин жийин деп санангам* (ЭП, БЭ, 13) «Я хотел попробовать городские котлеты».

ЛСВ «рассчитывать на кого / что-л., возлагать надежду на кого / что-л.» глагола **санан-** «думать» получает выражение в конструкции **=ар** + **1-е л.** + **деп**: *Жайыла блонди чала-была эдип алала, кышкыда жакшы блон жуурум деп, сананбагар* (ЭП, БЭ, 30) «Если все лето готовите сено как попало, зимой иметь свежее сено и не надеяться»; *Олор дезе ажындыра белетеп салган жүрүмле жүрерис деп санангандар* (ЛК, ЛП, 154) «Они надеялись жить на всем готовом (букв.: «сполна приготовленной жизнью»)».

В семантической структуре многозначного глагола **БИЛ-** «знать» имеется ЛСВ «обладать знанием чего-л., иметь специальные познания в какой-л. области (язык, свое дело, урок и т.д.)». Здесь семантическому компоненту «знание», присущему глаголу **бил-** «знать» в качестве основного семантического компонента, добавляется компонент «умение», являющийся дифференциальным семантическим компонентом для данного ЛСВ. Способом реализации этого ЛСВ является сочетание глагола **бил-** с объектом в винительном падеже.

Балага орус тилди тепей ле билер керек (ЭП, БЭ, 144) «Ребенок все же должен знать русский язык (уметь говорить на рус. яз.)»; *Мениле кожо иштеген улус практический ишти сүрекей жакшы билер, же үрөдүзи ас* (ЛК, ЛП, 123) «Люди, работающие со мной, очень хорошо знают практическую работу, но образование низкое»; *Тракторды Таркраш кире билер кижиде жок болбой* (ЛК, КТ, 184) «Наверное, нет человека, который бы знал трактор настолько, насколько знает Таркраш».

В рамках выше рассмотренного значения выделяются два варианта: **а)** «уметь что-л. делать» и **б)** «не уметь что-л. делать». Вслед за Б.И. Татаринцевым, мы рассматриваем их как образующие «конверсивную оппозицию, когда отмечается противопоставление значений по их семантическому контрасту» [7, с. 25]. Вариант (а) «уметь что-л. делать» глагол **бил-** формирует в сочетании с формой слитного деепричастия **=п** / **=ып**: *Жакшы сөс тө айдып билетени — жаан керек* (ЭП, БЭ, 130) «Уметь говорить хорошие слова — тоже большое дело»; *Бу кире курч этире үлдүни жангыс Ак-Күн курчыдып билер* (ЛК, КТ, 26) «Так остро саблю умеет точить только Ак-Күн»; *Онызы Омөликтин чындык иштеп билетенин керелейт* (СМ, АК, 146) «Это подтверждает умение Омелика работать честно».

Вариант (б) «не уметь что-л. делать» реализуется отрицательной формой глагола **бил-** — **билбе-** в сочетании со следующими типами конструкций:

- ◆ **=ар** + **вин.п.** + **кижи** «человек» (или названия лиц: *кыс* «девочка, девушка», *уул* «мальчик, парень», *бала* «ребенок» и т.д.);
- ◆ в сочетании с **=ар** + **деп** + **неме** «вещь»;

- ♦ в сочетании с деепр. =ып + жан=ду «характер, нрав, поведение» (=ду — аффикс обладания) + *кижи* «человек» (или названия лиц: *кыс* «девочка, девушка», *уул* «мальчик, парень», *бала* «ребенок» и т.д.).

Такого рода значения Л.М. Васильев рассматривает как «обусловленные тематическим типовым контекстом, когда отмечается указание на связь слова с каким-то кругом явлений действительности (например, с состоянием человека, с его эмоциональной или мыслительной деятельностью и т.д.) и соответствующим тематическим классом слов (лексикой со значением состояния и т.д.)» [3, с. 13]. В нашем случае таким «тематическим классом слов» являются слова, обозначающие духовные качества человека.

Примеры: *Уйаларын билбес кижги* «Человек, который не умеет стыдиться». Следует отметить, что такого типа предложения предпочтительнее переводить соответствующими прилагательными: *Амыраарын билбес кижги* «Трудолюбивый человек (букв. «отдыхать не знающий»)»; *Улежер деп неме билбес бала* «Жадный ребенок (букв. «не знающий такую вещь, как делиться»)»; *Ол коркыырын билбес чындык кижги болгон* (ЭП, БЭ, 93) «Он был смелым честным человеком (букв. «бояться не умеющий»)». Особенно показательно это в примерах со словом *жанду* «характер, нрав, поведение»: *Ол ачынын билбес жанду кижги* (АЕ, СК, 46) «Он не обидчивый человек (букв. «с характером, не умеющим обижаться»)»; *Айас карамданып билбес жанду уул* «Айас нежадный мальчик (букв. «с характером, не умеющим жадничать»)».

В семантической структуре глагола *СОК-* «бить, ударять» в типовом контексте со словом *уйку* «сон» в позиции субъекта и некоторым лицом в позиции объекта формируется значение «сильно хотеться спать». Здесь слово *уйку* «сон» выступает в роли субъекта — агенса, объект — пациенс, подвергающийся действию сна, оформлен родительным падежом, т.е. здесь мы имеем дело с изафетной конструкцией, когда оба компонента получают личное оформление: *Баланын уйкузы согуп турган ошкош, ээстеп туру* «Кажется, ребенок хочет спать, зеваает (букв. «ребенка сон его бьет»).

Это значение параллельно формирует и залоговая производная глагола *сок-* «бить, ударять» *соктыр-* (понуд. от *сок-*) «быть побитым, ударяемым». В данном случае *соктыр-* оформляет пассивную конструкцию с субъектом *уйку* «сон», представленным в дательном падеже.

Маадай уйкуга соктырып, Кара керегинде сананып жадала уйуктап калды (ТШ, ЫЭИ, 127) «Маадай, поддаваясь сну (чувствуя сильное желание спать), вспоминая о Каре, заснул (букв. «позволив сну себя уда-

рить»)»; *Жаманка радионы угуп ла жадала, терен уйкуга соктырып уйуктап калар* (ТШ, ЫЭИ, 259) «Каждый раз, слушая радио, Жаманка, поддаваясь глубокому сну, засыпала.

В алтайском языке широко употребляются выражения *акча токпокто* букв. «колотить деньги», т.е. «зарабатывать большие деньги»; *бештер токпокто* букв. «колотить пятерки», т.е. «учиться на круглые пятерки». Употребление данных выражений в языке ведет к формированию новых значений в семантической структуре глагола *ТОКПОКТО-* «колотить». Здесь отмечается противопоставление значений по их семантическому контрасту. Действия, обозначенные глаголом *токпокто-* «колотить», как правило, имеют деструктивный характер (ср.: *Ол ат соготон камчызыла жырааларды жулдай токпоктой берди* (ЛК, АК, 18) «Он начал наповал колотить кустарники кнутом, которым бьют коня»). А в лексах *акча токпокто* «колотить деньги» и *бештер токпокто* «колотить пятерки» усилия направлены на создание (не разрушение) того результата, которым является объект действия. Иначе говоря, действии приобретает конструктивный характер.

Сочетание глагола со словами *акча* «деньги» и *бештер* «пятерки» свидетельствует о заключенной в этих выражениях мысли о том, что субъект — обладатель больших денег и пятерок становится им за счет своего труда, способностей, знаний, вкладывания силы, физической или умственной.

Менин карындажым школдо бештерди токпоктоп жат «Мой братишка в школе учится на круглые пятерки (букв. «колотит пятерки»)»; *Жангы ижинде Айдыш акчаны тынг токпоктоп жат* «На своей новой работе Айдыш только так зарабатывает (букв. «колотит деньги»)».

Многозначный глагол *ТУТ-* «держат» в своем функционировании в контексте о животных формирует значение «охотиться, ловить, чтобы захватить в качестве добычи». В данном значении дифференциальный семантический компонент «захватить в качестве добычи» предполагает в позиции объекта любое животное, которое может служить добычей для человека либо хищного животного: *Былар эку кандый коп балык туткан* (ЛК, МЖ, 21) «Как много рыбы наловили эти двое»; *Жангы туткан балыктан амтанду неме жок!* (Аз. Ч1, 76) «Нет ничего вкуснее чем свежепойманная рыба»; *Алтын муусту сыгынды база мен туткам* (Аз. Ч2, 121) «Марала с золотыми рогами тоже я поймал».

На базе выше рассмотренного значения образуется ЛСВ «схватить, разорвать, убить кого-л. (о зверях)». Реализация этого значения предполагает типовой контекст с обязательными позициями субъекта и объекта. В ка-

честве субъекта выступают хищные животные, объектом выступают соответственно более слабые животные: *Койды бөрү туткан* «Волк растерзал овцу».

Реализация переносного метафорического значения глагола *тут-* «держать» «выбирать, назначать на какую-л. должность» получает выражение в следующих случаях: в сочетании глагола с объектом в дательном падеже; в сочетании с объектом в винительном падеже; в сочетании глагола с деепричастной формой на *=ип* от глагола *эт-* «делать», выступающей в функции связи. Например: *Бригадирге капишуун, чыйрак кижжи керек болордо, уулдар да, кыстар да каткак бүдүмдү Айдынды бир күүндү туткандар* (ЛК, М, 17) «Когда в качестве бригадира нужен был шустрый, бойкий человек, и парни, и девушки единогласно выбрали худощавого Айды а»; *Јуунга туружып, јурт Советтин члендерин туткулады* (ЧЧ, М, 145) «Принимая участие на собрании, выбирали членов сельского совета»; *Јууннын председатели эд=ип Нина Ивановнаны туткандар* «Председателем собрания назначили Нину Ивановну».

В семантической структуре многозначного глагола *тут-* «держать», кроме того, выделяется значение «прийти в какое-л. эмоциональное состояние». Здесь сема «физическое действие», присущее глаголу *тут-* «держать» как основной компонент, трансформируется в сему «эмоциональное состояние». Данное значение рассматривается нами как обусловленное тематическим типовым контекстом, когда отмечается связь слова с каким-то определенным классом лексических единиц. Глагол *тут-* «держать» реализует рассматриваемое значение в его сочетании в качестве субъекта действия со словами, обозначающими эмоциональное состояние человека: *Садучынын ачабы тутты, чыгара јү-гүрүп кыйгырды* (Аз.Ч1, 139) «У продавца проявилась жадность, выбежав, закричал»; *Кыйгазы тутса, ол болушпас та* «Если у него будет плохое настроение, он и не станет помогать»; *Күүним тутса — чарлар садын аларым, күүним тутса — аттар* (Аз.Ч1, 143) «Захочу, куплю бычков, захочу, — лошадей»; *Онын бүгүн јакшы күүни туткан, кере тўжине бала алган* «У него сегодня было хорошее настроение, целый день с ребенком нянчился».

Многозначный глагол физического действия *ТАРТ-* «тянуть» формирует значение «убавляться, убывать, уменьшаться» в контексте о воде, молоке у коровы, кормящей матери и ЛСВ «садиться, уменьшаться в размере» в контексте о материи, ткани. Здесь следует говорить о явлении «транссемантизации» — перехода одной семемы в другую путем изменения признаков [6, с. 7]. В данном конкретном случае речь идет о семантическом сдвиге за счет снятия семы «физическое действие»

и приобретения новых семем. Семантический компонент «физическое действие» трансформируется в сему «физическое состояние». При реализации данных значений обращаем внимание на отсутствие объектного распространителя. Например: *Талай тартыла бергенде, јүлүш сабарыла кумакка аттарын бичигилеп, соодонуп тургулаар болды* (ЛК, М, 76) «Когда море уменьшилось, развлекались, мокрыми пальцами записывая на песке свои имена»; *Бир күн өткөн, суу тартылбаган* (Аз, Ч1, 104) «Один день прошел, река не уменьшилась»; *Јаантайын јунышка чамча тартып калган* «Из-за постоянной стирки рубашка села (уменьшилась в размере); *Соокторло кожо уйдын сүди иле тартып калган* «Вместе с холодами молоко у коровы заметно уменьшилось»; *Эмди карып сүдим тартыла берерде, ээм мени этке садарга семиреримди сакып јат* (Аз. Ч2, 207) «Теперь, когда я, состарившись, молоко [мое] уменьшилось, хозяин [мой] ждет, когда я наберу вес, чтобы продать меня на мясо».

Далее в семантической структуре глагола *тарт-* «тянуть» выделяется ЛСВ «вить (гнездо)». Данное значение следует рассматривать как узкое, специализированное в силу того, что его реализация ограничивается лишь сочетанием со словом *уйа* «гнездо» в качестве объекта. Данный ЛСВ получает выражение в обязательных позициях субъекта и объекта. *Баарчыктар уйа тартып, шакпыражып, чуркуражып турган* (ЛК, М, 220) «Скворцы вьют гнезда, галдят, суетятся»; *Айылдын тўнүгинде уйа тартып алган карлагаштар чуркуража берерде, Каран бажын јангы ла көдүрди* (ЛК, М, 41) «Когда ласточки, свившие гнезда в дымовом отверстии аила, засуетились, только тогда Каран поднял голову».

Значение «посчастливиться, повезти», реализуемое глаголом *тарт-* «тянуть» в его сочетании со словом *ырыс* «счастье» в роли субъекта действия, рассматривается как переносное метафорическое: *Брызын тартты: мен туку качаннаг кунајынымды садарга санангам* (Аз. Ч1, 35) «Тебе повезло, я давно собирался продавать свою корову»; *Менин ырызым тарткан, экзаменде јенгил билет келишкен* «Мне повезло, на экзамене достался легкий билет».

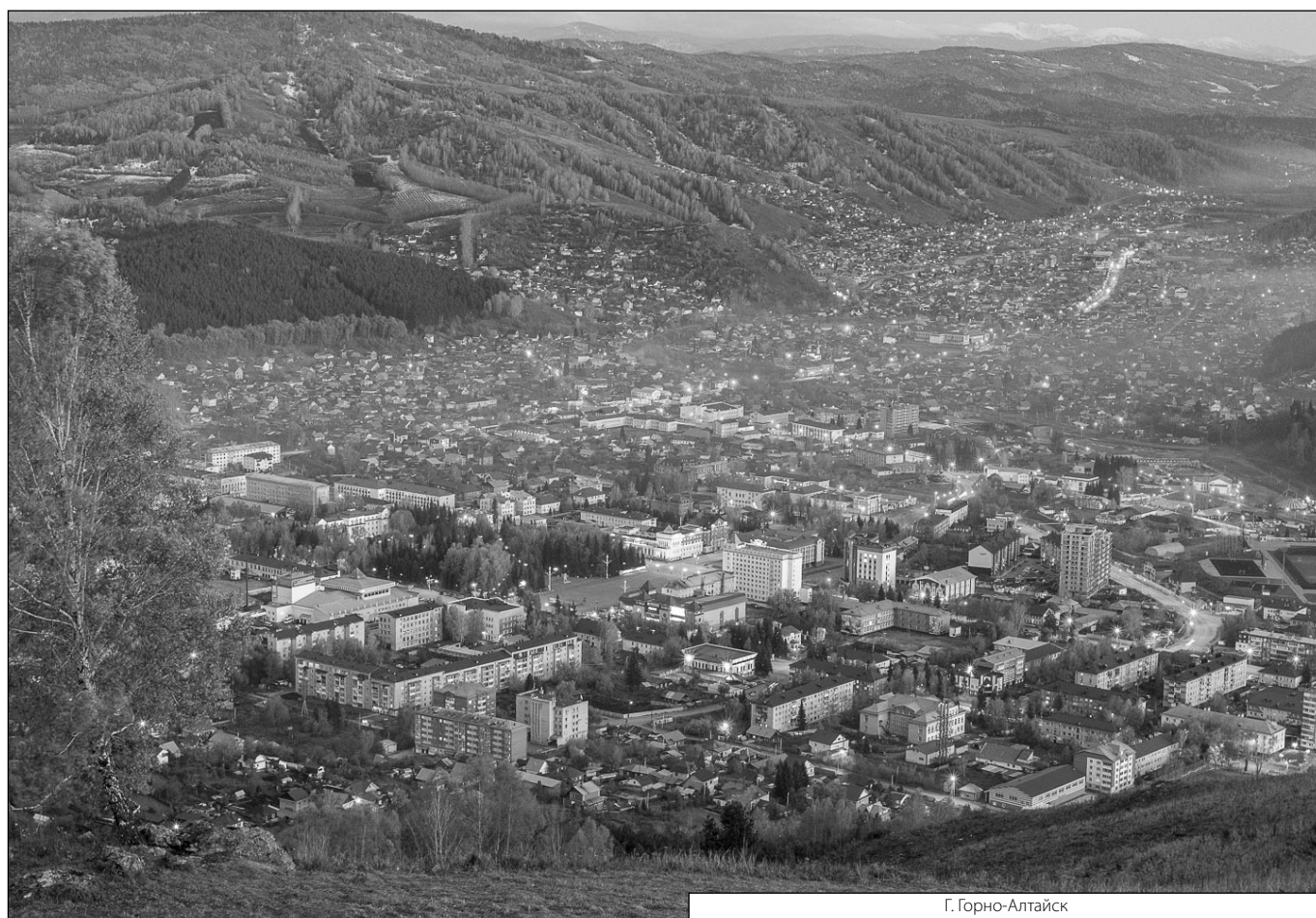
Таким образом, роль контекста в формировании нового значения многозначного слова безусловна. В отношении многозначного слова контекст выступает как условие реализации того или иного значения многозначной лексемы. Каждый лексико-семантический вариант выступает в устойчивом типовом контексте: синтаксическом и лексическом. Различная типовая сочетаемость в пределах многозначной лексемы сигнализирует о разных значениях слова и, следовательно, может быть использована как подтверждение статуса семемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. АЕ СК — А. Ередеев. Салымнынг кўрмеги. — Горно-Алтайск, 1989.
2. Аз. Ч1 — Азия Чөрчөктөри 1-кы бичик. «Алтын Туу» деп Байсынг-Јурт, 2014.
3. Аз. Ч2 — Азия Чөрчөктөри 2-чи бичик. «Алтын Туу» деп Байсынг-Јурт, 2015.
4. ЈК КТ — Ј. Каинчин. Карган тыт. — Горно-Алтайск, 1994.
5. ЛК ЈП — Л. Кокышев. Јўс письмо. — Горно-Алтайск, 1990.
6. ЛК АК — Л. Кокышев. Алтайдынг кыстары. — Горно-Алтайск, 1980.
7. ЛК МЈ — Л. Кокышев. Мечин јылдыс. — Горно-Алтайск, 2013.
8. СМ АК — С. Манитов. Аш кылгада. — Горно-Алтайск, 1982.
9. ТШ ЫЭИ — Т. Шинжин. Ырыс экелген ижемји. — Горно-Алтайск, 1986.
10. ЭП БЈЭ — Э. Палкин. Бичигенер јакшы, Эрте. — Горно-Алтайск, 1997.
11. Литература
12. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. — С. 51.
13. Бережан С. Г. Обусловленность словарного значения глагола его грамматическими особенностями // Слово в грамматике и словаре. М., 1984. — С. 56.
14. Васильев Л. М. Отношения языковых значений в границах полисемантического слова // Исследования по семантике. Уфа, 1989. — С. 7, 13.
15. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М., Л.: Наука, 1965. — С. 53.
16. Кокошникова О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. Новосибирск, 2004. — С. 29.
17. Степанова Г. В. Семантика многозначного слова. Калининград, 1978. — С. 7.
18. Татаринцев Б. И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М., 1987. — С. 25

© Саналова Байару Борисовна (sbayaru@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Горно-Алтайск